



Когда-то человек поднялся над миром животных, обретя разум, и с тех пор гордится высотой своего положения. Но крепко ли стоит человек на этой ступени и не пора ли поискать следующую? Или хотя бы задуматься, что это будет за ступень и куда ведет лестница.

А можно посмотреть на ситуацию по-другому. Можно, чтобы не скучать в одиночестве, подвинуться и освободить немного места рядом с собой. Для кого? Для наделенных разумом животных или пресловутого Искусственного Интеллекта? Возможны варианты...

ISBN 978-5-905360-12-1



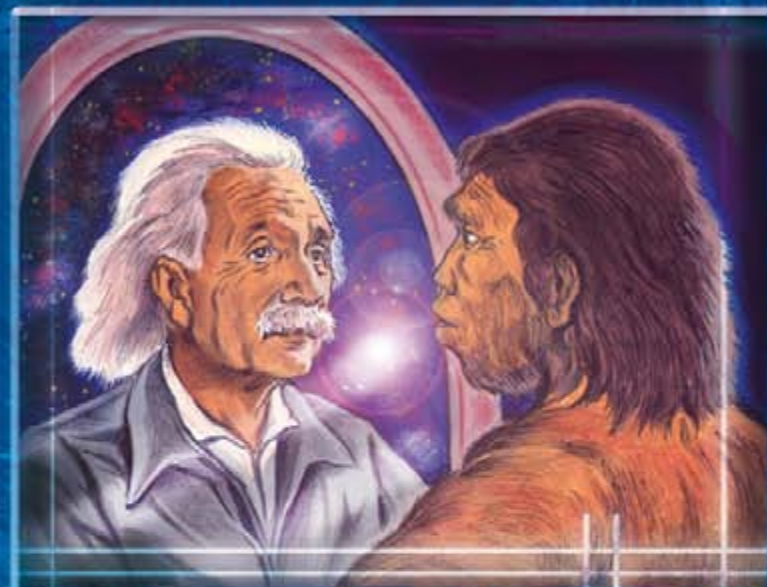
9 785905 360121



КОЭФФИЦИЕНТ ИНТЕЛЛЕКТА



Научная фантастика



КОЭФФИЦИЕНТ  
ИНТЕЛЛЕКТА



# Коэффициент интеллекта

Сборник фантастических рассказов

<b>Предисловие (от редактора и составителя)</b>	<b>3</b>
<b>Люди...</b>	<b>5</b>
Шымдыршы. И. Наумов	6
Камышовая швея. А. Сальников	16
Внутри. П. Кормицикова	28
Пятый лишний. С. Игнатьев	57
Дилемма заключенного. А. Яшкин	75
Жизнь по частям. Горхур	104
Старый дом на краю леса. А. Бочаров, Ж. Алексашина	148
Межсезонье. М. Тихомиров	164
<b>...и не только</b>	<b>187</b>
Бесконечно простой разум. И.А. Даль	188
Стеклопанельная оболочка. А. Ленъ	214
Революция Марвина. А. Мельник, И. Диверс	244
Вечность тут. Э. Каминская	265
Бэн. Н. Харрис (Yagailo)	277
Пиши, человек! В. Войцик	308
Цикл жизни. С. Колесник	326
Скотина. А. де Клемешье	340

# Предисловие

## От редактора и составителя

О чем пишет научная фантастика? Возможные ответы нетрудно предсказать, не так ли? О межпланетных перелетах и иных мирах, о путешествиях во времени и далеком будущем, о роботах и параллельных вселенных...

Все это формально правильно... но неверно по сути. Говорить так значит не видеть за деревьями леса. Судить о вкусе конфеты по виду обертки.

Научная фантастика, как, впрочем, и любая иная форма литературы, пишет прежде всего о Человеке. Даже если герой произведения робот, инопланетянин или говорящая собака, сюжет так или иначе проецируется на нашу действительность, на живущего в нашем мире человека, окруженного другими людьми.

Просто сущность человека может наиболее ярко и полно проявиться в ситуациях сложных, неординарных, возможно, даже критических. А вот для моделирования таких ситуаций великолепно подходит именно научная фантастика, все же вышеперечисленное есть не что иное, как способы достижения этой цели.

Не вдаваясь в дебри рассуждений, что же такое человек, – иначе в сборнике не останется места собственно для рассказов, – примем как постулат, что неизменным атрибутом человека является разум. И вот, отталкиваясь от этого, нам с вами уже будет о чем поговорить. Точнее, я передам слово авторам этого сборника, подождите еще только минутку...

Где проходит грань между рассудком и разумом? И что будет, если эту грань пересечь – в том или другом направлении? Всегда ли благом является повышение интеллектуального потенциала человека – и не стоит ли двинуться в обратную сторону? Правильно ли мы используем свой мозг – и к чему могут привести эксперименты в

этой области? Выиграет ли человек, поставив строгую холодную логику выше творческого начала? Какие скрытые резервы хранит наше подсознание?

Ну и конечно – веяние времени! – немало внимания авторы уделили искусственному интеллекту. Если уж даже в середине прошлого века редкий фантаст обходил стороной тему разумных роботов, то что говорить о наших днях, когда обретение роботами разума кажется таким близким и легко достижимым... Компьютеры не только решают сложнейшие задачи и обыгрывают гроссмейстеров в шахматы – к этому мы постепенно привыкли, – они пишут картины и сочиняют музыку, читают детям сказки и поддерживают иллюзию непринужденной беседы с человеком.

Из всего этого складывается впечатление, что до того момента, когда человек и робот смогут на равных пожать друг другу руки, остался один шаг. Но пока шаг этот удастся сделать только в фантастических произведениях.

Итак, «Коэффициент интеллекта»... Авторы сборника не ограничились банальным повышением (или понижением) человеческого IQ, они рассмотрели эту проблему гораздо шире и глубже. Кроме движения вперед и назад, они обнаружили иные направления, иногда довольно парадоксальные.

Тем интересней мне было составлять этот сборник, тем интересней, уверен, вам будет его читать!

*Андрей Силенгинский*



Иван Наумов

# Шымдыршы

## Первое января

Нет, это просто бесчеловечно! Назначать саммит на первое января, и к тому же на восемь утра! Безусловно, не нам, ученым, в подобной ситуации диктовать условия. Два месяца напряженнейших переговоров – и теперь первый долгожданный контакт.

Вся новогодняя ночь скомкалась. Что я, что Люша – в думах и фантазиях, дети чувствуют, что попали на чужой праздник, разговор не клеится.

И все-таки приятно, что нас оценили и допустили. Работы – непочатый край, уже сейчас ясно, что если дело пойдет, то основную тему придется... сын бы сказал – задвинуть. Но что такое мои математические абстракции по сравнению с главным событием в истории человечества? Сто пятьдесят академиков и около тридцати докторов наук – авангард российской науки. Три рабочих группы контакта. Три из сорока по всему миру. В один день и час вступят в переговоры с представителями внеземной...

*Из дневника, несколькими днями позже:*

Неведение – самый страшный страх. Сколько было придумано и написано о звездных войнах, нашествиях инопланетян, незащитности человечества. И как вдруг эти ксенофобские штампы при столкновении с реальностью! Шесть рас, не схожие ни по внешнему виду, ни по среде обитания, ни... да ни по чему, – работают в сотрудничестве, разыскивая по галактике заселенные миры и устанавливая с молодыми цивилизациями гуманные добрососедские отношения.





Александр Сальников

## Камышовая швея

Ник тихонько подошел к распахнутой двери аудитории и перешагнул порог.

– Таким образом, анализ известных и выявление новых факторов, влияющих на нейродинамику иллюзорного сознания, еще долгое время будет являться актуальной задачей, – подытожил профессор, не удостоив вниманием опоздавшего. – Ваши вопросы?

Очкарик с первого ряда поднял руку:

– Доктор Рилтон, – он кашлянул, прочищая горло, – как вы относитесь к утверждению, что кратковременная память является лишь особым случаем существования энграммы, когда действие неспецифического компонента научения ослаблено или заблокировано?

Профессор снисходительно улыбнулся, глядя, как нерадивый, но желающий отличиться магистрант подсматривает в тетрадь, практически цитируя «гипотезу одного следа и двух процессов».

– Отличный вопрос, юноша! – Профессор набрал воздуха в легкие и по привычке обвел взглядом слушателей.

И тут увидел Шелта.

– Но, к сожалению, лежащий за пределами моего курса. – Рилтон брезгливо скользнул по федералу взглядом, нахмурился и поджал губы. – Обратитесь к работам Мак-Го и Гоулда. Все свободны, – буркнул он и принялся складывать бумаги в потертый кожаный портфель.

Ник прищурился. С последней их встречи автор направленной непродуктивной неоконфабуляции сильно постарел. Морщинки у рта углубились, в бровях заиграла седина. От былой уверенности не осталось и следа – бегающий взгляд, резкие дви-

жения рук, мелкая рябь ссутулившихся плеч, будто профессор пытается стряхнуть с них невидимый груз или просто дрожит от напряжения. Ник дождался, пока студенты покинут аудиторию, подошел к кафедре и протянул руку делано занятому Рилтону.

– Я уже все рассказал вам, офицер, – щелкнул замочком портфеля Рилтон и, не глядя на протянутую ладонь, заспешил к выходу. – Читайте дело.

– Прошлой ночью в Питсбурге одиночка взял банк, – убрал руку Ник. – На сейфе пальчики Джека, – метнул он уже в спину доктора.

Рилтон налетел на невидимую стену и обернулся.

– Вы знаете, что это значит, док? – Шелт неслепешно подошел и заглянул ему в глаза.

– Да, я слежу за новостями, – выдержал взгляд профессор. В сознании вспыхнули алые буквы заголовков: «Джек Потрошитель вернулся!», «Счет снова открыт!», «Двенадцать недель безумия!» – Это значит, что вы так и не нашли его, офицер.

– Это значит, у нас осталось сорок восемь часов, док. И не надо делать большие глаза – у нас с вами!

– Ничем не могу помочь, офицер, – вновь опустил забрало Рилтон, и Шелт решил:

– А как вам спится, док, эти два года?

Лицо профессора оставалось бесстрастным, но зрачки на мгновение расширились. Ник понял, что нужно дожимать.

– После того как вы смогли за пять лет эксперимента сделать из тринадцатилетнего слабоумного неуловимого преступника?

– Не я предложил использовать в качестве доноров заключенных! – Ледяной щит дал трещину.

– Человека, способного открыть скрепкой замки и бежать, кончив двух бугаев-санитаров! – продолжал Ник. – Человека, берущего любой сейф и убивающего после этого дюжину женщин! Раз в неделю, словно по графику! Без разбора: черных и белых, богатых и бедных, молодых и старых! По одному ему понятной схеме! Как вам спится, док, пока Джек на свободе? Ведь это вы его всему научили!

– Я не учил его убивать! – крикнул Рилтон и вновь стал похож на того крепкого парня, которым был прежде. – Это не-



Полина Кормщицова

## Внутри

### 1. Начало

Герман открывает глаза. Мир вокруг – монохромный и плоский. Где-то вдалеке серое небо сливается с серой землей, и линия горизонта теряется в туманной дымке. Пространство вокруг и сам Герман – как персонажи немого черно-белого кинофильма. Ни звука, ни движения. Пустота.

Путаная мысль – неужели я такой и есть? Пустой, мертвый? Не может быть.

– Не может быть, – произносит Герман вслух. Губы привычно шевелятся, и в мире появляется звук. Знакомый, успокаивающий звук собственного голоса. Первое замешательство проходит. Губы расплзаются в улыбке.

– Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог, – цитирует он по памяти.

Сейчас и здесь Бог – это Герман. Он один в этой пустоте, и пока что это место кажется безжизненным. Значит, надо заполнить пустоту звуками, цветом, движением. Но Герман не знает как. Не знает, с чего начать. Он делает шаг (в каком направлении? – здесь нет направления; пока еще нет), другой. Звук, движение. Нужен цвет.

Герман пристально смотрит на свою руку, на кончик указательного пальца. Наверное, должно быть так – на кончике пальца появляется пятно того безымянного цвета, который обычно имеет кожа белого человека. Потом пятно растет, распространяется по всему пальцу, по всей руке.

Он произносит это вслух. И пятно действительно появляется. Растет. Цвет охватывает все тело, делая его знакомым и при-

вычным, родным: живым. Из солнечного сплетения поднимается физически ощутимая волна восторга: я могу. Раз могу это – значит, могу все.

– Надо сделать камень, – говорит Герман. – Пусть будет камень.

Он представляет себе большой камень неправильной формы. Он хочет разместить его перед собой. Сосредотачивается на этой мысли, создавая, приказывая возникнуть. И камень возникает – огромный, тяжелый, вещественный. Герман прикасается к нему ладонью, осязая правильную шероховатость. Кажется, он начинает понимать.

Нужно сделать еще что-нибудь. Нужно сделать... дерево. Да, пусть будет дерево. Герман концентрирует внимание на месте возле камня, тянется туда мыслью – это дается тяжелее, чем камень, – и из-под земли появляется росточек.

– Пусть дерево растет, – говорит Герман.

Росток на глазах становится выше, распрямляется, из ствола выступают ветки, из веток – хвоинки (это выглядит как компьютерная графика нового образца), и через пару временных отрезков Герман создает кедр в три человеческих роста высотой. Он старается вытянуть его выше и толще, сделать подобным калифорнийскому Гипериону, но не может. Его дерево не хочет становиться выше, и Герман оставляет попытки.

Он присматривается к Первому Дереву внимательнее. Он определенно видел такое же раньше, в детстве, за оградой родительского загородного дома. Тот кедр ничем не отличался от тысяч таких же и при этом для Германа был особенным – старым другом, с которым семилетний мальчик мог поделиться радостями и огорчениями, на ветках которого мог построить шалаш и прятаться там от взглядов посторонних, воображая себя отважным индейцем или капитаном Немо в рубке «Наутилуса». Тот кедр был невысоким – как раз примерно три человеческих роста. Помнится, в лесу рядом с домом жила белка: почти ручная, она брала орехи из рук маленького Германа и иногда позволяла себя гладить.

– Белка, – говорит Герман. Улыбается широко, радостно, настояще.



Сергей Игнатьев

## Пятый лишний

«...завернуто в полиэтилен, в несколько слоев замотанный скотчем.

Было проведено вскрытие, в ходе которого установлены приблизительное время и причина смерти гражданки Е.А. Плеткиной и сделано предположение по поводу орудия убийства. Согласно выводу экспертов, им послужил мастихин. Инструмент, которым пользуются художники для смешивания красок или очищения холста. Список мест, где такие инструменты можно приобрести, уже составлен, по нему работают оперативники. Но особых надежд на это направление следствия я не возлагаю.

Что касается источника информации – это один из пациентов Минца (все тот же Т. Колпин, о котором я подробно сообщал в предыдущем отчете).

Минц счел нужным привлечь к делу стажера Молчанова, которому и удалось получить от Колпина точную информацию о местонахождении тела.

Учитывая специфику работы с данным пациентом, инициативу в дальнейшем расследовании руководство предоставило Минцу. Ему предстоит форсированными темпами установить местонахождение пропавшей гражданки О.Л. Нильской. Это, напомню, подруга погибшей, пропавшая в тот же вечер, и поиски которой до сих пор не дали результата.

Учитывая срочность, которая требуется в данной ситуации, прошу обратить ваше внимание на...»

4

Их четверо, и я внимательно наблюдаю за ними сквозь щелочки прищуренных век.

Они тоже рассматривают меня. Делают это так, будто между нами – стеклянная стена, а я нахожусь в вольере.

Это смешно, потому что все наоборот. Ведь это я пришел сюда, в зоопарк, посмотреть на ученых зверей.

Посредине сидит Лис, он кусает маленькую деревянную палочку и смотрит на меня, а иногда – в раскрытую металлическую книжку. Рядом с ним сидит Филин, иногда он раскрывает клюв и довольно ухает, раздувая грудь. Рядом с Филином – Окунь, ему неуютно, хочется вернуться в воду, в мутных глазах его тоска.

За ними, красиво ступая длинными ногами, ходит Жираф. Он дышит дымом, иногда останавливается и подолгу рассматривает фальшивые груши наверху. Груши лежат вверх ногами на перевернутой тарелке. От груш исходит яркий слепящий свет, смотреть на них неприятно, и я перевожу свой Луч на ученых зверей.

Я прощупываю их лучом, чтобы узнать про каждого больше. Они догадываются про луч и плавно отводят глаза, чтобы он не попал внутрь.

Единственный, кто не отводит глаза, – Лис. Но он хитер, поэтому старается отвлечь меня разговором.

– Вы меня помните, Тимур? – спрашивает Лис.

– Я вас помню, – вру я (Лис не так уж и хитер – он мне сразу верит, кивает). – А что это такое – «Тимур»?

Филин довольно ухает.

Мне нравится происходящее. Напоминает веселую игру.

Эти ученые звери развлекают меня. И когда показывают бумажки с интересными кляксами или с цифрами, сложенными из цветных точек, и когда просто молчат и смотрят, вот как сейчас. Это тоже часть игры. Проигрывает тот, кто первый начинает говорить.

– Вас так зовут, – говорит Лис, покусывая свою палочку. – Этого вы не помните? Тимур Колпин – ваше имя.

– Ладно, – я равнодушно пожимаю плечами. – Согласен.



Алексей Яшкин

## Дилемма заключенного

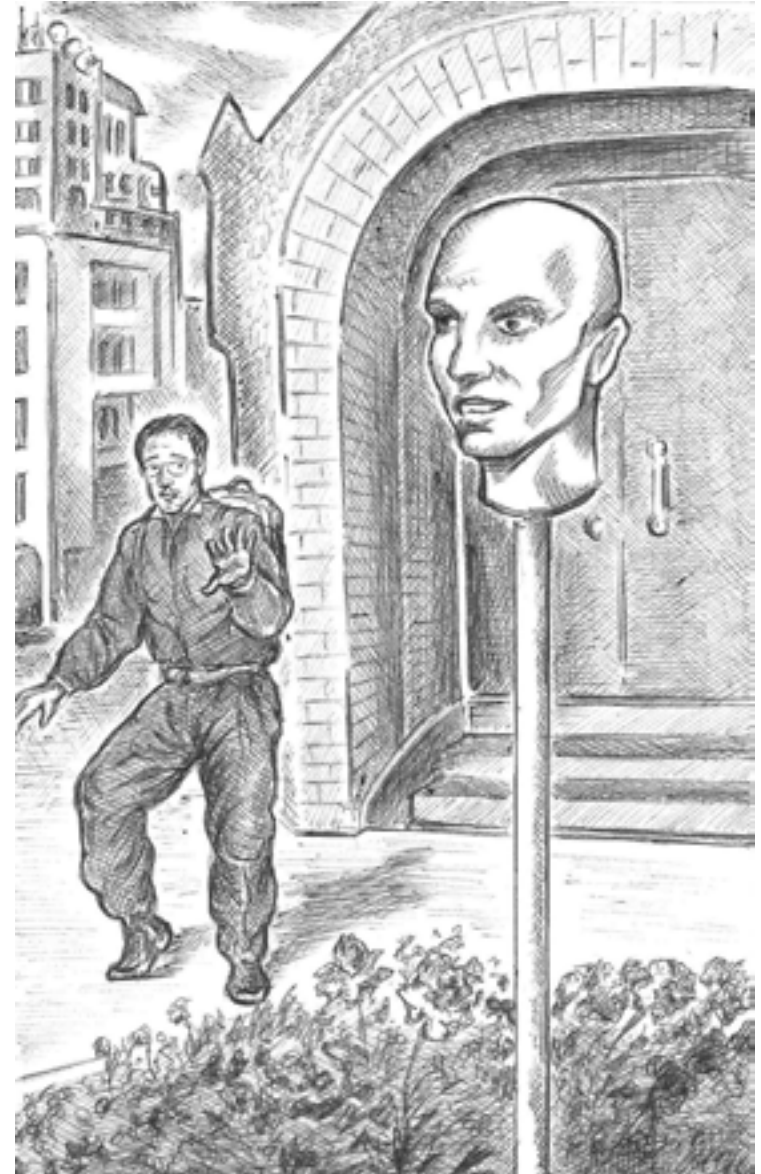
Сейчас это может показаться смешным, но до начала вынужденной изоляции Александр Блек стеснялся говорить с самим собой. Это казалось ему отклонением. Даже на фоне постоянных неврозов окружающих, уже давно ставших нормой. Поэтому раньше Александр размышлял вслух, лишь удостоверившись, что его никто не услышит. Раньше.

Вот уже три недели Блек говорил в полный голос. Озвученные планы и заключения казались надежней. Иногда же ему просто хотелось услышать человеческую речь. Александр говорил, кричал, иногда даже пел. Он хотел удостовериться, что сможет членораздельно говорить, когда вернется к людям.

– Все-таки в моем положении есть определенные плюсы. – Александр все чаще начинал этими словами свои монологи. Он надеялся, что когда-нибудь сможет убедить самого себя в выигрешности текущего состояния. – Не нужно куда спешить. Пешком опять-таки хожу много. Для здоровья полезно.

Александр шел по нечетной стороне улицы, засунув большие пальцы под лямки ранца с инструментами. Прежде он обходил проспект, названный в честь неизвестного ему господина Гаусмана, двигаясь по параллельной Моньер-роуд. Идти по новому маршруту было интересно, Блек старательно рассматривал вывески, выискивая что-нибудь для себя полезное. На первый взгляд ничего нужного: магазинов немного, большая часть витрин закрыта металлическими жалюзи.

Покосившись на проезжую часть, он сбавил шаг, присмотрелся, остановился. Присвистнул сквозь зубы, рассматривая неаккуратно припаркованный электромобиль. «Альстрата Локо», модель этого года. Разгоняется до ста километров в час за







Горхур

## Жизнь по частям

– ...с уверенностью смотреть в будущее.

Отключив режим визуализации, Джосандр удовлетворенно кивнул. Репортаж получился что надо. О бедняках не говорили уже так давно, что материал может считаться свежим. К тому же он, Джосандр, встал на сторону героев своего сюжета и прямо заявил: властям наплевать на то, как живут эти люди. Да, репортаж будут смотреть. И обсуждать.

«Было бы здорово им помочь – хоть немного».

Мечтательно улыбнувшись, Джосандр потянулся, покрутил головой, разминая затекшую шею. Поглядел на часы – и, чертыхнувшись, выпрямился в кресле.

– Хранитель. Отправить в архив память о сопереживании беднякам, которое я испытывал при работе над последним репортажем, включая выезд на съемки.

После секундной паузы равнодушный мужской голос доложил о выполнении команды.

Журналист облегченно вздохнул.

«Пора братья за следующий материал. Вот так всегда с этими «человеческими» сюжетами. Без эмоций их не сделать, но каждый раз раскисаешь и тратишь уйму времени. Кстати, не звонил ли мне кто, пока я возился с сюжетом?»

Не найдя в журнале встроенного в запыстье коммуникатора записей о пропущенных вызовах, Джосандр снова включил режим визуализации и вернулся на лесную поляну. Пока что именно этот вид виртуального кабинета нравился ему больше всего. Вытянув руку, мужчина коснулся пальцем ссылки на один из видеофрагментов, висевшей на самом кончике ветки в виде кленового листа. По зеленой со светлыми прожилками поверх-

ности прошла короткая рябь. Лист увеличился в размерах и превратился в экран.

– Воспроизведение.

– Мы не обязаны заниматься благотворительностью, – президент Москвы уверенно смотрел на журналиста, ладони чиновника спокойно лежали на столе. – Эти люди сами виноваты в своих проблемах. Наше общество предоставляет шанс каждому. Мы давали его долгие годы и беднякам. Они могли бы начать все заново. Но не стали даже пытаться. Городу такие жители не нужны.

«Этот – отлично подходит».

Повинуясь новому прикосновению, видеофрагмент, вновь принявший вид листа, сорвался с ветки и упал в плетеную корзину, стоявшую в густой высокой траве.

«Надо найти еще один. Там, где соцминистр о новой программе говорила. Кажется, это здесь».

Дубовый лист явил взгляду Джосандра милovidную женщину лет тридцати.

– Воспроизведение.

– Мы не раз говорили о необходимости создания отдельных поселений для бедняков. Это пойдет на пользу всем. Нам, успешным гражданам, не придется отдавать часть своих доходов тем, кто этого не заслуживает. А сами бедняки после депортации окажутся среди равных. Им не придется общаться с теми, кто достиг большего, и стыдиться своего положения.

«То, что нужно. Можно еще взять президента из предыдущего сюжета – он там хорош, когда говорит, чтобы бедняки сами о себе заботились. Подвестись к нему, конечно, надо будет по-другому, но это запросто».

Где-то через час репортаж, отражающий позицию городских властей, был готов. Еще раз просмотрев оба материала и найдя, что ему вполне удалось задуманное, Джосандр разместил сюжеты на портале редакции. Как один из ведущих обозревателей издания, он пользовался привилегией обходиться без редакторской правки.

Сдав в архив память о выполненной работе, журналист пошел к окну.



Темный зал. Полная тишина.  
Пошла звуковая дорожка.  
Еле слышная мелодия – светлая грусть с горьковато-пряным  
последкусием печали...  
На экране возникают титры:  
*Авторы-визуализаторы*

**Андрей Бочаров  
Жанна Алексашина**

*представляют рассказ-эмофильм:*

## Старый дом на краю леса

Раннее утро. Легкую дымку над пожухлой травой уже пронзают копыта пробуждающегося солнца. Алое, яркое, оно поднимается над горизонтом, обозревая с высоты, как полководец, поле будущего сражения.

Ржание коней, нетерпеливый перестук копыт. Звон металла, скрип седел, звяканье сбруи – привычная музыка для моих ушей. Скоро поведу изрядно поредевшее войско в бой. Если удача не повернется к нам лицом, войнство Темного Короля саранчой пронесется по незащищенным землям моей страны, сея разрушения и смерть.

Прислужник помогает облачиться в доспехи. Под их тяжестью плечи только распрямляются. Эта ноша лишь позволяет ощутить мощь налитых силой мышц. Оруженосец с трудом подает меч, слишком тяжелый даже для его привычных к оружию рук. Этим мечом может сражаться только один человек – это я, непобедимый рыцарь, Светлый Герцог.

Конный отряд выстраивается в боевом порядке. Два лучших воина скачут по бокам от меня, отставая на шаг. Они будут при-

крывать мне спину в бою. Три воина следуют за ними, и таким клином выстраивается весь наш отряд.

Вражеское войско нам удастся застать врасплох. Пара дозорных, пронзенных стрелами, падают замертво, не успев подать сигнал тревоги. Никто не ждал, что небольшой отряд дерзнет бросить вызов войнству Темного Короля, превосходящего нас численностью в десятки раз.

Воины Тьмы не успевают построиться, бестолково мечутся, как служанки в переполненном трактире. Вскидываю меч, издаю боевой клич, который мгновенно подхватывают светлые воины. Мы врубаемся в неприятельское войско, как остро наточенный топор в мягкое дерево. Хруст сминаемых доспехов, истошные крики раненых. И кровь врагов уже ручьями струится с моего меча...

\* \* \*

Накидываю на плечи теплую куртку, выхожу на веранду, включаю уличное освещение. Хотя освещение – это громко сказано. Всего четыре тусклые лампочки. С другой стороны, зачем больше? Все дорожки-тропиночки мне и так знакомы с детства. Если работа не клеится, лучший рецепт – побродить неспешно по участку, подышать пьяняще свежим воздухом. В голове совершенно посторонние мысли, но в подсознании идет непрерывный процесс обдумывания сюжета. И через какое-то время очередные сцены фильма возникают яркой картинкой в голове.

Мягкая, обволакивающая тишина на улице. Не слышно ни птиц, ни кузнечиков – осень заканчивается, скоро зима. Уже много лет мне уютно и комфортно только здесь – в старом доме на краю леса. Раньше старался как можно реже выбираться в город. Теперь – перестал вообще. А что мне там делать? Раз в неделю фургончик оставляет у ворот коробку с продуктами. Кристально чистая вода из колодца. На случай перебоев с электроэнергией есть аварийный дизель-генератор.

Мобильник всегда выключен. Зачем он нужен? Для решения деловых вопросов есть электронная почта. Вот скайпом никогда



Максим Тихомиров

## Межсезонье

На десятый день моего второго рождения папа с мамой подарили мне котенка.

Я назвал его Васькой. А что? По-моему, нормальное кошачье имя.

День моего второго рождения всегда совпадает с началом весны. Вообще-то это не только мой праздник, а наш общий, семейный, но раз уж я в семье самый младший, то поздравляют каждый раз меня одного. Ну, я не против. Тем более что мой настоящий день рождения приходится на середину зимы, и его никак не отметить, потому что зимой мы спим.

Я как раз только проснулся в тот день и поэтому был еще не совсем в себе – вялый и сонный, и вдруг раз – и папа тут как тут, а на руках у него сидит самый настоящий котенок и круглыми глазенками хлопает.

– Ух ты! – сказал я. Сон как рукой сняло, в голове сразу стало ясно и звонко, а тело было еще ватное спросонья и очень-очень холодное. Я протянул к котенку руки, и движение вышло медленным-медленным, как всегда бывает после зимнего сна.

Зимой мы спим долго-долго, и снится нам странное. После весеннего пробуждения сны долго еще не отпускают, и я часто ощущаю себя десятиногим механическим пауком, который ползает по нашему насквозь промерзшему небесному дому изнутри и снаружи, и в черном-пречерном небе над головой день и ночь висят звезды, солнце маленькое и холодное, а океан внизу сплошь покрыт льдом.

После пробуждения мне еще несколько дней сложно ходить – все время не хватает ног, я то и дело оступаюсь, и постоянно кружится голова. Необходимость перемещаться только по

полу раздражает. Когда я был поменьше, каждую весну начинал с того, что пытался привычно пробежать по стенам и потолку, но только набивал шишки и обижался невесть на кого. Родителей это расстраивало, и я научился не скучать по сновидениям, в которых был и сильнее, и ловчее себя настоящего.

Котенок перебрался мне на ладонь, и я почувствовал, какие у него острые коготочки. Он дрожал всем телом – наверное, замерз, потому что дом еще не прогрелся как следует после зимы, да и сам я еще как следует не оттаял. Я погладил котенка по спине, и он громко замурлыкал.

– Доброе утро, сынок, – сказал папа, – С днем рождения. Это тебе подарок от нас с мамой. Получил вчера посылку с Земли.

– Доброе утро, – ответил я. – Спасибо! Он классный! Можно, я назову его Васькой?

– Конечно, можно, – сказал папа, и мы вдвоем с Васькой отправились будить маму.

Мама котенку не удивилась, но очень расчувствовалась, глядя, как мы с ним играем в догонялки. Ресницы у нее были мокрые, но она улыбалась и говорила, что это растаявший иней виноват.

Конечно же, мы ей поверили. Потом мама приготовила завтрак, и мы сели за стол все вместе – в первый раз в этом году. Ели торт, а Васька перепачкался кремом и очень нас рассмешил.

– Нравится? – спросила мама, и я ответил, что да, очень нравится.

И в самом деле: разве котят могут не нравиться? Даже если видишь их воочию впервые в жизни.

Я знаю, что дарить живых существ, пусть даже и на день рождения, – это не очень хорошо. Папа и сам мне говорил это раньше, когда я просил у них с мамой рыбок, пони, а потом еще и караикового лемура-кусаку с Тирамису. Папа повторял это снова и снова, стоило мне лишь заикнуться об этом, и в конце концов я проникся, хоть и был тогда маленьким – мне как раз семь должно было исполниться. Папа остался доволен, сказал, что я молодец, и снова вернулся к своей работе.

Весь первый день я забавлялся с котенком, и весь следующий день, и долго еще потом. Ночами – нормальными весенними ночами, которые измеряются часами, а не годами, как зимой, – ко-



# И.А. Даль

## Бесконечно простой разум

Доктору Саксу – с уважением и признательностью

### о. НОВИЧОК

Три ключа к победе: терпение, старание, настойчивость. Новичок обладал этими качествами в избытке. Ему недавно исполнилось двадцать пять. С точки зрения земно-водных, зрелый возраст – четверть века. Но вообще-то это около двух юпитерианских лет. «Сущий младенец» – скажет скайбо<sup>1</sup>. И будет прав.

На планете Земля-Вода таких, как Новичок, раз-два и обчелся. Потому что талант в сочетании с характером, помноженный на работоспособность, – это гений. В четырнадцать лет Новичок получил докторскую степень по лингвистике. В шестнадцать добавил к ней степени по математике, физике и антропологии. Парочка забавных идей, вроде непромокаемых сигарет, к двадцати годам сделала его богачом. Он был нарасхват, по ВТВ<sup>2</sup> его показывали чаще, чем Президента. Он был. А затем пропал. Исчез. Улетучился...

<sup>1</sup> Скайбо (SkyBo, от староангл. *Sky Boys* (ирон., перен.) – Дети Неба) – самоназвание Homo Universum; местообитание – Солнечная система (за исключением планеты Земля-Вода); численность – не установлена; язык – солинг (Solar Lingua); уровень технологического развития – Тип 2 по шкале Кардашова; уровень культурного развития – Тип XI-2-СН (Chaos) по шкале Хантингтона-Коротаева // Книга редких и исчезающих видов, лист 16122011. Режим доступа: [www.sun.mr/IUCN\\_Red\\_List\\_Homo\\_Universum/](http://www.sun.mr/IUCN_Red_List_Homo_Universum/).

<sup>2</sup> ВТВ – ВирТЭВэ, Вирт, Виртуальное Теле-Видение.

Скайбо гениями не удивить. Это для земно-водных «гений» означает «совершенство». В Солнечном же Круге – лишь кучу дополнительных обязанностей. И науки у скайбо другие, ближе к искусству. Новичок за месяц выучил солингву – этого никто не заметил. За неделю разработал новый дизайн жилого купола – его попросили пожить там месяц-другой, для испытаний. И так во всем...

А Новичок вовсе не из прихоти бросил родную планету, любимую работу и женщин. Его манил философский камень постинформационного века – Искусственный Интеллект. Автоматические системы управления – от глобальных энергетических и навигационных комплексов до младенческих биочипов, – всемогущие, всеведущие, окружали человека около двух веков. Но десятилетия поисков и трудов так и не привели к созданию интеллекта, равного человеческому.

Новичок бился над проблемой Искусственного Разума уже пять лет. Созданная им машина смогла пройти тест, а затем – и антитест Тьюринга. Ему вручали какие-то премии и награды, а он лишь досадливо морщился: «Не то! Совсем не то...» С Разумом эти игрушки не имели ничего общего.

И однажды Новичок понял: ключ – не в машине, ключ – в человеке. В сверхчеловеке! А сверхлюди живут наверху, и это – скайбо. Новичок отправился к ним.

Встреча со сверхлюдьми оказалась сродни ледяному душу. Ничего сверхчеловеческого – они просто *другие*. Язык, быт, уклад жизни, родственные связи, обычаи и... машины. Скайбо доверяли машинам только по мелочам: подсчитать, свести, дать справку. До остального они предпочитали доходить своим умом: увидеть, услышать, пощупать, обдумать, обсудить, сделать выводы. При бешеном темпе жизни – неспешные путешествия, многолюдные собрания, неторопливые беседы у огня... какие-то музыкально-поэтические ристалища, кодексы и дуэли – космическое средневековье, да и только!

Скайбо отнеслись к Новичку как к милому непосредственному мальшу, заявившемуся на работу к донельзя загруженным взрослым. С ним нянчатся между делом, улыбаются, угощают леденцами, смотрят сквозь пальцы на шалости, но целовать плю-



Андрей Лень

## Стекла́нная оболочка

Созвездие Кентавра. Желтый карлик спектрального класса G2V. Планета Терция. Беспилотный зонд погасил скорость и начал патрулирование, передавая видеосигнал на базу. Планета считалась перспективной для освоения – операторы, не отрываясь, следили за происходящим на мониторах, переговаривались вполголоса:

- Параметры атмосферы – норма, ядовитых примесей не обнаружено.
- Воздух просто сказочный! А вот и водичка: купайся – не хочу. Мне здесь нравится!
- Может, двинем вниз?
- Датчики биомассы зашкаливает. Кто там расплодился? Дай-ка увеличение...
- Оу! Ты тоже их видишь?!
- Они... такие же, как мы! Почти один в один, только конечности какие-то странные, будто недоразвитые! Это не глюк?
- Коллективных глюков не бывает. Это контакт! Летим туда, немедленно!
- Подожди, там еще что-то движется. Огромное. Оставляет дымовой след. Что на газоанализаторе?
- Какая-то синтетическая дрянь... Ауксин?! В такой концентрации... они сейчас погибнут!
- Уже.
- Вызывай центр. Контакт третьей степени, оранжевый код.

\*\*\*

– Рота, подъем!

Голос сержанта – худший из будильников. На дневального ему наплевать. Матерый садист не упустит возможности лично вырвать вверенные ему жертвы из самоволки сладких снов. Сержант Както. Дурацкое имя. Омерзительная харя. Идиотская служба. Прекрасное начало дня. Короткие мысли проскакали, как блохи, и вместе со мной встали в строй.

– Доброе утро, детиски!

– Так точно, сэр!

– У папочки для вас подарок. С утра побежите кросс – двойную дистанцию!

– ...

– Не надо громко думать, я вас хорошо слышу. В колонну по одному! Бегом – марш, зелень болотная! Рядовой Тулип, в строй встал, а проснуться забыл? Шевели отростками, быстро, быстро!

Рядовой Тулип – это я. Две недели назад был аспирант. Сейчас – солдат. Просто и быстро. Тотальная мобилизация. Впрочем, настоящими солдатами мы станем через месяц, после молотилки «Ускоренные курсы бойца». А пока мы, по классификации сержанта Както, «дефективные недоделки», «аморфная биомасса» и «сено, пропущенное через корову». Откуда он знает слово «аморфный»? Думаю, ему просто нравится ругаться незнакомыми словами.

Рота, бурча под нос всем известные, но непечатные слова, с грохотом ссыпается по лестнице в утренний холод. Главное – не споткнуться. Пробегут всей толпой и не заметят. Отстающих штрафуют жестко и без снисхождения. Никто не хочет проигрывать.

Двойной кросс – не добавочная порция десерта. Половина из нас еле-еле доползает до финиша. Последней пятерке личная награда от сержанта. Почетный титул – «дегенеративные тормоза» и дежурство по системе «все включено», с мытьем полов и сортира.

Принять душ, одеться. Потом завтрак и на занятия.



Алексей Мельник, Инна Диверс

## Революция Марвина

К словам учителя Марвин прислушивался одним ухом. Он сидел за последней партой и выводил стилусом на планшете то ли змею, то ли обыкновенную веревку. Линия перечеркнула записи по физике, но Марвин этого словно не заметил. Резкими штрихами он рисовал травинки. Несколько из них проткнули формулу давления твердого тела.

До уха донеслась фраза учителя о том, что «ро» в формуле – это плотность жидкости. Марвин удивленно вскинул брови и нарисовал лужу, в отражении которой висело яблоко.

Два года назад он, как и миллионы его сверстников, стал первоклассником. Поначалу Марвину даже нравилось ходить на уроки, слушать учителя и приносить домой хорошие оценки. Но затем интерес к всевозможным формулам, тестам и задачам стал угасать. Марвин боялся признаться в этом остальным детям, учителю и – сильнее всего – родителям.

– Так! И чем это мы тут занимаемся? А, Марвин? – металлический голос Марка Слотовича над самым ухом заставил мальчика вздрогнуть. – Ну-ка, дай мне сюда твою тетрадь.

По телу Марвина пробежала волна жара, когда планшет с формулами и рисунками попал к учителю. Тот раздраженно схватил его манипулятором и замер, на голове задрожала антенна, сильнее выдвинулись бинокляры. Да, порой ученики рисовали на полях каракули и загогулины, но чтобы солнце, траву и лужу...

Позади учителя поднялся забияка Платон и, театрально скривившись, сообщил классу о рисунке. Кабинет взорвался смехом. Марк Слотович прикрикнул на ученика и повернулся к классу. Все разом затихли, но не отвернулись.





## Элина Каминская

# Вечность тут

– Привет. Меня зовут Тмиш. Да, я знаю, дурацкое имя, но судьбу не выбирают. По крайней мере, Тмиш мне нравится больше, чем ИИ-КМ2193-61212. Что я еще могу о себе сказать? У меня умные зеленые глаза, цепкий ум и шикарные усы. В последнем у меня нет убежденности, но это слова Лизы, и я очень хочу ей верить. Сегодня шестой день полета, и мне осталось четыре прыжка.

Я остановил запись, высвободился из своего костюма и полетел к иллюминатору. Бескрайний космос и одинокие искорки звезд – я мог любоваться ими вечность, думая о разных вещах. Например, о Земле и маме. Или о весне и сливках. Или даже о Лизе и о том, как мы с ней ходили гулять в парк. Лиза – мой диспетчер. Два раза в сутки, а также до и после прыжка я связываюсь с ней по гиперсвязи и «докладываюсь по обстановке». Остальное время я читаю книги, смотрю фильмы и думаю. Ну и сплю, конечно же. Иногда тут же, у иллюминатора. Хотя по правилам я должен спать в жилом отсеке своего маленького почтового корабля, пристегнутый ремнями к спальному месту. Но там, когда в дреме чуть приоткрываешь глаза, видишь металлическую переборку, а не россыпь чужих созвездий. Я иногда забавляюсь тем, что ищу в их очертаниях знакомые земные предметы и даю им названия. А после следующего прыжка они выстраиваются в другом порядке, и забаву можно начинать заново. Да, про это тоже надо записать. Не забыть бы после доклада.

Я залез в костюм, закрепил преобразователь голоса, устроился возле экрана и нажал кнопку вызова. На экране начала закручиваться в спиральку стилизованная галактика в ожидании установления связи. Я дернул ухом. Вот сколько уже летаю, а все

равно всегда немного нервничаю во время докладов. Наконец вместо галактики появилось изображение Лизы в серебряной форме.

– Докладывает почтовый борт ПЗЛ-282, позывной «Ветер». Шестой день полета, два прыжка, обстановка без изменений, борт работает в штатном режиме. Системы жизнеобеспечения и контроля в норме, резервные системы функционируют исправно.

Лиза чуть заметно кивнула:

– Время очередного прыжка установлено?

– Сканирование определило ближайшую зону гиперперехода. Предположительно, наиболее благоприятные параметры будут определены в 21.00 земного стандартного времени.

– Доложите о самочувствии экипажа.

– Физиологическое и психическое состояние экипажа в норме, – ответил я и приветливо помахал хвостом. Официальная часть доклада окончилась. Лиза улыбнулась.

– Ну что, Тмиш, как ты там? Начал уже надиктовывать свои путевые заметки?

– Начать-то начал, но ты знаешь, думать гораздо проще, чем излагать свои мысли связно, особенно если знаешь, что это придется кому-то читать, – проворчал я. – Тем более что у меня как у единственного члена экипажа и без этого забот хватает.

Лиза наматывала на указательный палец светлый локон и с трудом сдерживалась, чтобы не засмеяться. Но я на нее не обижался – я и сам прекрасно знал, что временами на меня нельзя смотреть без улыбки.

– Тмиш, а ты представь, что ты все это рассказываешь мне. Как тогда в парке. У тебя очень хорошо получалось.

И Лиза снова мне улыбнулась. Я махнул лапой куда-то в сторону жилых отсеков, показывая все масштабы своих забот, и попытался улыбнуться в ответ. Правда, по своему, по-кошачьи. В результате у меня смешно встопорщились усы, и Лиза все-таки не выдержала и прыснула со смеху.

– Тише, мыши, Тмиш на крыше... – начала она нашу традиционную считалочку, которой мы обычно оканчивали сеанс связи.



Натт Харрис (Yagailo)

## Бэн

*«Я возвращался с работы ночью домой 28 ноября 2009 года.  
Ехал по автобану на Кулвермонт.  
Неожиданно на дороге прямо из тумана вышли трое:  
мужчина, женщина и собака,  
и мне пришлось резко затормозить, чтобы не сбить их.  
Они прошли через автобан и исчезли.  
Я был в шоке и не сразу двинулся с места.  
Буквально через пару минут туман испарился,  
и я увидел в десяти метрах от меня метровый бордюр,  
лежащий поперек дороги.  
Не знаю, как он там оказался.  
Мне и раньше приходилось слышать о местных привидениях,  
спасающих водителей на этом автобане,  
и я думал, что это рассказы,  
но теперь и сам убедился – это чистая правда.  
Могу поклясться на Библии!»*  
Из интервью Дениса Вобера газете «День на бумаге»

Рождество...

Очаровательно улыбающаяся Лайза, ежедневно вещающая о капризах погоды, на этот раз не обманула, шторм пришел по расписанию – в ночь.

Эгон Майер стоял в темном кабинете, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрел на беснующийся ветер, злобно гнущий и трясший деревья в саду.

На фоне черно-зеленого, похожего на кусок старого кварца неба летали широкие полосы ледяного дождя и белого, острого,

как песок, снега, бросающегося на окна и мечтающего ворваться внутрь, в натопленное камином тепло, чтобы вырваться из дома душу.

Шторм усиливался, черепица на крыше клацала, как волчьи зубы, завывало в трубах. Эгон не любил ветер, особенно такой, страшный и напористый, и ему было жутко одному в большом доме. Отойдя от окна, чьи защелки предательски дрожали, хозяин включил телевизор, где мальчишки с ангельскими лицами пели рождественские гимны. Звук их сладких голосов заглушил завывания ветра и немного успокоил Эгона, напомнив Рождества, которые он когда-либо праздновал.

Сколько их было? Много, много десятков... На его бледном, покрытом глубокими морщинами лице появилась грустная усмешка. Из тех праздников, которые помнил Эгон, всего дважды он оставался один. Первый раз в госпитале, когда ему вырезали аппендицит, а второй раз... тут он поспешил задвинуть так некстати выплывшее воспоминание на задворки памяти. А вот теперь и третий раз.

Последний.

Дочь праздновала со своей семьей, с новым мужем, который Эгону категорически не нравился и который платил ему той же монетой. Правда, Зельда позаботилась о том, чтобы ее сварливый папаша не умер с голоду, и отправила ему все, что полагается иметь на рождественском столе добропорядочному господину на пенсии. А глинтвейн он варил отличный и сам.

Отвернувшись от окон, за которыми сражалось небесное воинство, Эгон уселся в кресло, вытянул в сторону камина усохшие ноги в толстых шерстяных носках и взял в руки фарфоровую кружку с горячим, ароматным напитком.

«Счастливого Рождества, старый хрен!» – поздравил себя господин Майер и отхлебнул изрядную порцию глинтвейна.

Раздался телефонный звонок, но Эгон не стал брать трубку. Пусть звонят, пока не надоест. Старик хотел довести одно важное дело до конца. Оно занимало в последнее время все его мысли и требовало развязки.

На последнем юбилее кто-то сравнил его с вековым дубом, корни которого питают традиции, а листья и плоды представ-





Виталий Войцик

## Пиши, человек!

На небольшой поляне, поросшей бурьяном и полынью, доживал свой век старый покосившийся дом. Высокие деревья бросали на него зловещие тени, а северный ветер с упорством трепал прохудившуюся крышу. И лишь тусклый огонек в сером грязном окне трепетным светом вдыхал жизнь в это ветхое жилище. В нем среди пыли и векового беспорядка за невысоким деревянным столом сидел человек. Он грузно склонился над обшарпанной столешницей, на которой усердно коптила масляная лампа. Тлеющий фитиль то разгорался, озаряя всю комнату и высвобождая из темного плена ее скудное убранство: небольшую скамейку у входа, печь в углу и запылившуюся кровать, – то затухал, возвращая тьме ее владения. Рядом в старом кресле примостился пес. Его большая вытянутая черно-белая морда была устремлена на покрытое трещинами окно.

За окном господствовала ночь. Звезды и луна изредка появлялись из-за косматых туч, робко заглядывая в одиноко стоящий дом. Человек держал в руке длинное перо, готовясь оставить чернильный след на лежавшей перед ним бумаге.

– Хочется выть на луну? – спросил он, обернувшись к собеседнику.

– Нет, – ответил пес и тут же (словно его застукали за чем-то непристойным) отвел взгляд от окна. – Луна давно не цепляет наших душ.

– Знаем, – усмехнулся человек. – Не зря вы произошли от волков.

– Так же как человек от обезьяны. – Пес не подал виду, что заметил эту усмешку. – Пиши!

– Чего писать-то? Ты все молчишь.





Светлана Колесник

## ЦИКЛ ЖИЗНИ

Сигнал будильника. Старт. Синхронизация личного времени с общесистемным. Порожденная операция мануального отключения выполнена успешно. Открываю глаза. Полумрак. Плотно зашторенные окна. Первичная настройка видеопотока. Яркость. Контрастность. Инкрементальная подстройка системы с минимальным шагом сдвига входных параметров.

– Саша, вставай. Завтрак на столе, покорми кота. Я не успеваю, с утра в профком вызвали, а потом еще одну лекцию в «окно» втиснули...

Идентификация голоса. Анна. Жена. Подтверждено. Подключение подходящей гаммы чувств на основании сохраненной в журнале аудита истории эмоциональных моделей. Ночь. Объятия. Любовь. Нежность. Системным переменным присвоены положительные значения. Лениво улыбаюсь, потягиваюсь – так не хочется вылезать из-под теплого одеяла.

Выбор локации – старенький двуспальный диван в однокомнатной квартире на Вернадского или твердая узкая кушетка в рабочей комнате лаборатории института? Ожидание выбора\_

Неожиданный входящий аудиопоток. Кот орет. Операция выбора локации прервана, переход к точке входа в функцию – кормление домашних животных. Встать, поворот направо, шаг чуть под углом, чтобы не стукнуться коленом об тумбочку в коридоре, пять шагов вперед, три – вправо. Спросонья шаркаю на кухню. Аня еще не ушла, прихорашивается у зеркала – сплетает в тугую косу длинные, черные как смоль волосы. В воздухе витает первая волна аромата ее любимых духов. Агрессивно захватывающий, увлекающий запах. Останавливаюсь, чтобы поцеловать любимую. Операция приостановлена\_ Системное уведомление:

приоритет объекта «кот» – установлен на максимуме. Орет нестерпимо.

– Сейчас, Мурчик... кхм-кхм... – хриплю, – сейчас.

Оповещение по системе – необходима настройка речевой функции. Вспомогательный параметр для удачного разрешения процедуры голосовой отладки – вода. Но под рукой оказывается термочашка с горячим кофе, что оставила мне Аня. Запах волнующий. Делаю глоток – обжигаете терпкий, без сахара, как я люблю.

Фатальная ошибка в системе – пакет с кошачьим кормом пуста. Вывод экстренного сообщения из ресурсной базы:

– Аня?! Ты же вчера ходила в магазин, чего не купила киске «Вискас»?

Жена забегает на кухню, обнимает меня, ласково чмокает в шею, губы, нос. Стандартная процедура – порождение ответного синхронизированного потока.

– Придется тебе поделиться с киской завтраком, – взглядом показывает на тарелку, из которой кот, лукаво шурясь, ворует сосиску.

– Ладно.

Соглашаюсь. Форсирование операции принятия пищи утром. Скорее сажусь за стол, а то мне ничего не достанется.

– Увидимся в лаборатории.

Запуск таймера обратного отсчета времени. До начала рабочего дня – тридцать семь минут сорок секунд. Надо торопиться. Наскоро доедаю омлет, делюсь с котом еще одной сосиской, он довольно чавкает под столом. Выпиваю залпом подостывший кофе. Старт параллельных потоков: зубная щетка, электробритва. Свитер, джинсы. Функция поиска пары носков – вернула отрицательный результат. Повторный запуск.

Фоновая проверка инвентаря пользователя: ключи, флеш-карты памяти, кошелек, паспорт, пропускной чип. Единный отклик системы по запрашиваемым параметрам – ОК. Выбегаю в промозглое январское утро.

– Доброе утро, Александр Иванович.



Алекс де Клемешье

## Скотина

Внизу собралось, похоже, если и не все население города, то подавляющее его большинство. Стало быть, судьба девочки волнует многих. Тем непонятнее их давешнее бездействие.

Вертолет, снижаясь, заурчал в иной тональности, и я недовольно поморщился – к другим планетам, блин, летаем, а придумать, как сделать обычные двигатели бесшумными, не можем!

Человечек, смешной неуместным офисным костюмом, преодолев потоки воздуха, гонимые вертушкой, сунулся в кабину:

– Михаил Евгеньевич, вам туда!

– Здравствуйте! – подчеркнуто вежливо ответил я.

– А мы здоровались! – отмахнулся человечек. – Это я вам сегодня звонил. Вас ждут!

А то я не вижу, что ждут! И где именно ждут.

Мне кажется, я даже узнавал эту окраину. Если не считать посадочной поляны, то никакой заметной границы между городом и лесом не было – вот здесь, слева, дикие заросли паутины, а там, в сотне метров справа, – корпуса нефтеперерабатывающего комплекса. Пространство же между заполнено горожанами. Но как-то... неоднородно заполнено. Ближе к корпусам – большая плотная толпа. Ну как – большая? Человек двести, может быть. Для Пенелопы весьма приличное количество. А ближе к вертолету, в десятке шагов от толпы, – отдельная группа. Центром ее был Матвей Ильич, крупный плечистый мужчина, фактически исполняющий функции мэра. Возвышаясь над сопровождающими, уперев руки в бедра и расставив ноги, он походил на памятник: стоял крепко, не покачивался, не переминался, вообще не шевелился и оттого казался таким незыблемым, таким монументальным... как корпуса цехов за его спиной. Поза, взгляд, суровые

морщины – все это вызывало ощущение надежности, вселяло уверенность: вот стоит человек, покоритель планеты, хозяин всего и вся на ней, стоит настолько прочно, что уже как бы не сам находится на поверхности, а поверхность прикручена к его подошвам здоровенными болтами, и только поэтому планета еще цела и благополучна... А демократичная куртяшка на его плечах как бы намекает, что и тебе, обычному среднестатистическому, все по плечу.

Прям хоть сейчас на плакат! Люди такие образы любят, люди к таким тянутся. Вот и эти, сопровождающие, тянулись к Матвею Ильичу – в прямом смысле. Словно подсолнухи, повернув лица к светилу, ловили они его взгляд, его непроизнесенные слова. И, не осознавая того, портили плакат элементами услужливости и подобострастия.

По упруго пружинящей паутинке (чем они ее обрабатывают? или удобряют?) я пробежался до основной группы встречающих, пожал протянутые руки.

– Вот, Мишаня, – Матвей Ильич широким жестом обвел поляну, – думаю, из города она вышла здесь.

Я старательно огляделся.

– И?

– А нападение случилось там, за холмами, километрах в десяти.

– А почему меня привезли сюда? Почему не сразу на место?

– Я думал, тебе понадобится поговорить с ее матерью...

– Мать была свидетелем нападения?

– Нет, но...

– Тогда вы просто потратили мое время. А что еще хуже – ее время.

Сопровождающие мэра недовольно зашептались, а гул толпы горожан за их спинами, наоборот, стих: похоже, здесь было не принято перебивать высокое начальство, а тем более – подвергать критике верность решений и действий. Ничего, проглотят как-нибудь. Будь я на месте Матвея Ильича – а я действительно мог бы сейчас быть на его месте, – я бы всю эту толпу направил в паутину, за холмы – прочесывать местность. Наверняка бы уже хоть что-то нашли.



Купить эту книгу в бумажном или электронном виде можно в интернет-магазине издательства по адресу

**<http://shop.fantaversum.ru/>**

Задать вопрос о приобретении можно по электронной почте

**[sales@fantaversum.ru](mailto:sales@fantaversum.ru)**